

Лу Тинхао отпустил его руки и посмотрел на него серьёзно, почти пронзительно, и в этом взгляде читалась та особая, горькая искренность, которую не подделать и не сыграть.

— Жуйси, мы с тобой не подходим друг другу.

Жуйси нахмурился, и его брови сошлись к переносице, а в огромных, влажных глазах заплескалось искреннее, почти детское недоумение, и он принялся загибать пальцы, перечисляя:

— Как это не подходим? Я красивый, и ты красивый. Я умею готовить, и ты умеешь готовить. Я умею зарабатывать деньги, и ты умеешь зарабатывать деньги. Мы же прямо созданы друг для друга!

Лу Тинхао не выдержал и тихо рассмеялся, а потом, повинувшись внезапному, тёплому порыву, ласково, почти благоговейно погладил его по мягким, пушистым волосам, чувствуя под ладонью живое, тёплое тепло, от которого не хотелось отдёргивать руку.

— Глупыш, — прошептал он, и в голосе его прозвучала снисходительная, почти отеческая нежность. — Подходить друг другу — это совсем другое. Ладно, иди спать. Завтра тебе ещё в пекарню.

Но Жуйси, этот маленький упрямец, и не думал возвращаться в свою комнату. Вместо этого он молча развернулся, сходил к себе, схватил огромного, пушистого белого кролика с длинными, обвисшими ушами, от которого пахло детством и жасмином, прижал его к груди и, не спрашивая разрешения, протопал босыми ногами прямо в спальню Лу Тинхао. А потом, ни секунды не колеблясь, забрался на его кровать, улёгся поудобнее и натянул одеяло до самого подбородка. От подушки пахло Лу Тинхао — дорогим парфюмом, сандалом и чем-то ещё, неуловимо мужским, тёплым, и Жуйси, уткнувшись в неё носом, блаженно зажмурился, чувствуя, как по телу разливается спокойствие.

— Только что гром гремел, — заявил он, глядя на Лу Тинхао своими огромными, невинными глазами, и для убедительности ещё и поёжился, натягивая одеяло повыше. — Мне страшно. Я сегодня буду спать с тобой.

Гром? Лу Тинхао изумлённо уставился на него, а потом перевёл взгляд на окно: он весь вечер просидел в кабинете, работая над документами, и не слышал ни единого раската, лишь тихое, монотонное гудение вентилятора ноутбука да редкий шелест переворачиваемых страниц нарушали тишину. За окном, в бархатной черноте ночного неба, сияли яркие, холодные звёзды, и не было ни облачка, ни намёка на грозу. «Ну и фантазия у этого ребёнка. Гром он, видите ли, слышал». Лу Тинхао тяжело вздохнул и, понимая, что спорить с этим маленьким императором бесполезно, обречённо махнул рукой.

— Ладно. Ты спи на кровати, а я лягу на полу.

— Нет! — Жуйси решительно замотал головой, и его пухлые губы обиженно надулись. — Пол холодный. А вдруг ты простудишься и заболеешь? Или... или ты мной брезгуешь?

Он смотрел на Лу Тинхао снизу вверх, и в его огромных, влажных глазах стояла такая искренняя, незащитная обида, что у любого разорвалось бы сердце. Вид у него был до того трогательный, до того уморительный в своей серьёзности, что Лу Тинхао не выдержал и снова рассмеялся.

— Да кто ж тобой брезгует, маленький ты предок? — Он легонько щёлкнул его по кончику носа. — Ладно, уговорил. Будем спать вместе.

— Вот и хорошо! — Жуйси просиял и, довольно улыбнувшись, похлопал ладошкой по подушке рядом с собой, а потом, свернувшись калачиком, тут же затих, и в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь его ровным, умиротворённым дыханием да едва слышным, уютным посапыванием, от которого у Лу Тинхао почему-то потеплело в груди.

Спал Жуйси, мягко говоря, беспокойно. Его можно было сравнить с маленьким ураганом, запертым в четырёх стенах. Сначала он, уютно причмокивая во сне, обхватил руку Лу Тинхао обеими ладошками и прижал к своей щеке, потом перекатился и, закинув на него ногу, обнял за талию, уткнувшись носом в его плечо и дыша в шею тёплым, размеренным дыханием, от которого по коже бежали мурашки. Потом его босые ступни вдруг начали елозить по его ногам, а руки блуждали по телу, словно ища что-то, и в какой-то момент его ладони скользнули по животу Лу Тинхао, задержавшись на твёрдых, рельефных мышцах пресса.

«Господи, — мысленно взывал Лу Тинхао, чувствуя, как внутри медленно, но верно разгорается пожар. — Он меня в могилу сведёт. Сначала невинно хлопает глазами, а потом устраивает вот это. И ведь не разбудишь — спит как младенец».

Он попытался осторожно высвободиться из его объятий, чтобы сходить на кухню и выпить ледяной воды, но не тут-то было: руки Жуйси, словно стальные кандалы, крепко сжимали его талию, и малейшее движение вызывало у малыша недовольное, сонное бормотание, и он только сильнее прижимался к нему всем телом, словно боялся, что Лу Тинхао исчезнет.

«Ладно. Сдаюсь. Пусть будет, что будет». Лу Тинхао тяжело вздохнул, закрыл глаза и попытался уснуть, но это было непросто, когда к тебе прижимается тёплое, мягкое, пахнущее жасмином и чем-то неуловимо сладким тело, а его дыхание щекочет шею, и каждый выдох, тёплый и размеренный, словно убаюкивающая колыбельная, разливался по коже мурашками.

Лу Тинфэн, сосланный женой на диван, ходил мрачнее тучи. Казалось, из него вынули весь стержень, оставив лишь пустую, безжизненную оболочку. Друзья звали его покататься на скейтборде — он отказывался, даже не дослушав; звали прокатиться на машине с открытым верхом, подышать ночным воздухом — он лишь качал головой; звали выйти в море на яхте, развеяться — он смотрел сквозь них невидящим взглядом, и даже на шумные, весёлые посиделки в ресторане, где можно было вкусно поесть и выпить, он отвечал коротким, рубленым «нет».

В офис он приходил с таким видом, будто нёс на плечах неподъёмную гору. В кабинете пахло остывшим кофе и бумажной пылью, за окном гудел город, а его обычно властная, подавляющая аура сменилась аурой вселенской скорби, и даже воздух вокруг него, казалось, становился тяжелее и плотнее. Сотрудники, завидев его в коридоре, шарахались в стороны и перешёптывались за спиной: одни грешили на переутомление, мол, «босс слишком усердствует по ночам, вот и ходит теперь никакой», другие, вроде Сяо Сюя, подозревали ссору с хозяйкой, а третьи, как Лю Лиша, и вовсе шёпотом пророчили скорый развод.

А на самом деле всё было до смешного просто: бедный президент Лу всего лишь не мог спать в обнимку со своей драгоценной, пахнущей лавандой женой, и от этого ему было так тоскливо, что хоть волком вой.

Хэ Ян, как назло, снова засел за сценарий, и Лу Тинфэн с ужасом понимал: скоро он опять уедет на съёмки, в какую-нибудь глушь, и они снова расстанутся на несколько недель, а то и месяцев.

«И что мне делать? Как его удержать? Может, притвориться смертельно больным? Или... или запереть его дома и никуда не выпускать?» Но он знал, что ни один из этих вариантов не сработает: Хэ Ян был слишком упрям и своенравен, и если он что-то решал, переубедить его было невозможно. И вот, в самый разгар его мрачных размышлений, когда он сидел в кабинете, уставившись в одну точку и машинально вертя в пальцах дорожную ручку, дверь с грохотом распахнулась, ударившись ручкой о стену, и в комнату вместе с порывом холодного воздуха из коридора ворвался тот, кого он меньше всего хотел видеть, Лу Хуадун, а вместе с ним и густой, удушливый запах перегара и табака.

Вид у него был взъерошенный, глаза горели безумным, лихорадочным огнём, а в руках он сжимал целую кипу каких-то бумаг, и, вихрем влетев в кабинет, он с размаху швырнул папки на стол Лу Тинфэна, так что они веером разлетелись по полированной столешнице, а одна, соскользнув, с глухим стуком упала на пол.

— Ты, ублюдок! — прошипел он, тыча пальцем в лицо Лу Тинфэна. — Думаешь, так легко от меня избавиться? Не надейся! Я тебе этого не спущу!

— Да? — Лу Тинфэн даже не пошевелился, только лениво приподнял бровь, и на его губах заиграла холодная, презрительная усмешка. — Ну-ну. Посмотрим.

Эта нарочитая, ледяная небрежность взбесила Лу Хуадуну ещё больше. Он сжал кулаки так, что побелели костяшки, и, наклонившись над столом, прохрипел, брызгая слюной:

— Ты забыл, что дед обещал прабабке перед смертью?! Забыл, кто тебя на это место посадил?! Думаешь, раз ты теперь главный, можешь вышвырнуть меня, как щенка? Даже если я пойду ко дну, я утяну тебя за собой, понял?! Утяну!

— Я был с тобой более чем терпелив, — ледяным тоном отчеканил Лу Тинфэн, и в его голосе зазвенела сталь. — Но ты сам перешёл все границы. Ты сеял хаос, плёл интриги, воровал и

развратничал. Ты первый начал эту войну. Так что не смей теперь обвинять меня в жестокости.

— Мы ещё посмотрим, кто кого! — выплюнул Лу Хуадун и, резко развернувшись, вылетел из кабинета, с силой хлопнув дверью так, что задрожали стёкла.

Лу Тинфэн устало откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза: он никогда не хотел быть злодеем, но и терпеть выходки этого наглеца, который возомнил себя пупом земли, больше не собирался, и, глядя на разбросанные по столу бумаги, подумал: «Какая несусветная глупость. Он и правда решил, что я позволю ему разрушить всё, что строили поколения нашей семьи?»

Лу Хуадун вёл разгульный, беспутный образ жизни: пил, играл, менял женщин как перчатки и спускал деньги в самых грязных притонах, а когда его счета опустели, он решил, что имеет право претендовать на место Лу Тинфэна.

Но самое печальное было в том, что его отец, человек слабохарактерный и безвольный, полностью поддерживал сына. «Яблоко от яблони недалеко падает. Оба — пустые, никчёмные люди, не способные ни на что, кроме зависти и интриг».

Через два дня Лу Хуадун был с позором снят с должности, а его акции, те жалкие крохи, что у него ещё оставались, были выкуплены за два миллиарда юаней — сумма, которую он, ослеплённый жадностью, счёл огромной, но которая на самом деле была лишь малой толикой того, что он потерял.

Теперь он превратился в изгоя, в крысу, бегущую с тонущего корабля, а сотрудники, которые раньше терпели его выходки, стиснув зубы и боясь лишиться работы из-за родства с боссом, теперь вздохнули с облегчением, и его уход стал для всех настоящим праздником.

Но Лу Хуадун не собирался сдаваться так просто: корпорация «Лу» была для него золотой жилой, и он готов был на всё, чтобы отомстить. Он начал с того, что принялся сочинять грязные, лживые сплетни и рассылать их жёлтым журналистам, надеясь устроить грандиозный скандал и утянуть Лу Тинфэна на дно вместе с собой, но, к его величайшему изумлению и ярости, ни одно уважающее себя издание, ни один крупный новостной портал не рискнули опубликовать эту клевету. Семья Лу была слишком могущественна, и связываться с ними было себе дороже.

Тогда Лу Хуадун пошёл ещё дальше. Он нанял нескольких отпетых негодяев, заплатил им гроши и велел устроить представление прямо у входа в штаб-квартиру «Лу». Эти жалкие актёры развернули самодельные, наспех намалёванные транспаранты с оскорбительными надписями, улеглись на холодный асфальт и принялись истошно вопить, кататься по земле и притворно рыдать, разыгрывая дешёвый, бездарный спектакль, от которого у любого нормального человека свело бы скулы.

А сам Лу Хуадун, не побрезговав и этим, дал интервью одному мелкому, бульварному изданию, где, захлёбываясь от ненависти и смакуя каждое слово, принялся поливать грязью Лу Тинфэна. Он с упоением пересказывал старую, давно забытую историю его романа с Чжао Либин,

приукрашивая её самыми гнусными подробностями, и, не стесняясь, лгал, будто Лу Тинфэн жестоко обращался со своей бывшей женой, из-за чего та и сбежала от него.

Искра, брошенная в сухую траву, мгновенно разгорелась в пожар. Грязные слухи, подхваченные сотнями жадных до сенсаций языков, поползли по городу, обрастая новыми, ещё более чудовищными подробностями. Имя Лу Тинфэна снова оказалось в самом центре скандала, и на этот раз удар был нанесён с такой силой, что мог пошатнуть его репутацию.

Но никто, даже сам Лу Тинфэн, не ожидал, что первым, кто встанет на его защиту и разобьёт эту ложь в пух и прах, будет Хэ Ян, который появился у входа в небоскрёб корпорации «Лу», прижимая к груди Сюаньсюаня. Вокруг гудела толпа, щёлкали затворы камер, в воздухе пахло выхлопными газами и сыростью, а где-то над головой, отражаясь от стеклянных фасадов, метался встревоженный крик чаек. Малыш, укутанный в тёплый, пушистый комбинезон, испуганно озирался по сторонам, а Хэ Ян, выпрямив спину и гордо вскинув голову, шёл сквозь толпу зевак и репортёров с таким видом, словно был императором, вернувшимся в свои владения, и даже солнечный луч, пробившийся сквозь серую пелену облаков, казалось, падал только на него, очерчивая его фигуру золотистым, сияющим контуром.

У самых дверей он столкнулся с Лу Хуадун — с человеком, которого никогда раньше не видел, и если бы не его недавнее, полное грязи и ненависти интервью, которое показали по всем каналам, он бы никогда и не узнал, что в семье Лу водится такая гнилая крыса. Сейчас, когда ядовитые слухи грозили отравить будущее всей корпорации, медлить было нельзя, нужно было действовать, и действовать немедленно.

Хэ Ян остановился прямо перед ним, расправил плечи и, глядя ему прямо в глаза, с достоинством произнёс, а про себя подумал: «Ты думаешь, что можешь безнаказанно поливать грязью моего мужа? Думаешь, я позволю тебе разрушить нашу семью? Ошибаешься. Ты даже не представляешь, с кем связался».

— Вы, полагаю, Лу Хуадун? Здравствуйте. Меня зовут Хэ Ян.

Он протянул ему руку для приветствия — открыто, уверенно, без тени страха или подобострастия. Но Лу Хуадун, презрительно скривив губы, смерил его брезгливым, оценивающим взглядом и, даже не подумав ответить на жест, процедил сквозь зубы:

— Мы с вами не знакомы.

<http://bllate.org/book/16098/1613016>